

РИТМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В.В. Лапкин, В.И. Пантин

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР поставил перед всеми возникшими на его руинах государствами двуединую проблему политической модернизации и геополитического (а также социокультурного) самоопределения. Каждое из этих государств решало сложнейшую задачу преодоления инерции советского хозяйственного и социально-политического строя в меру своей способности реально, а не декларативно предложить гражданам новые жизненные установки и ценностные ориентации. Для подавляющего большинства постсоветских обществ источником ресурсов и генератором образцов, необходимых для глубокой ценностной трансформации и обретения новой (обновленной) идентичности, стала национальная традиция и традиционная же геополитическая ориентация. Кризис и распад советского государства послужили для них своего рода пусковым механизмом процессов перехода к преимущественно национально-этническим формам социальной и политической консолидации. Ряду государств (страны Балтии, республики Закавказья, Туркмения) тем или иным способом удалось найти кратчайшие пути к достижению этой цели, и уже на этой основе они выстраивают сегодня свою идентичность и геополитику. В других (Украина, Белоруссия, Казахстан, Киргизия), в силу их высокой включенности в советское нерыночное хозяйство и далеко зашедшей ассимиляции соответствующих этнических групп с русским этносом, процессы национальной консолидации протекают гораздо медленнее, и вопрос о выборе приоритетов политического развития по существу остается открытым.

44

Но сложнее всего преодоление советского наследия дается России. Дело в том, что в ходе всех прежних (не вполне органичных) попыток модернизации консолидация российского общества строилась на имперском или псевдоимперском (как во времена СССР) политическом базисе. В итоге с распадом “советской империи” и последующей деструкцией имперских оснований идентичности российский социум вступил в полосу глубокого кризиса ценностных и цивилизационных ориентаций. Проблема национальной консолидации, не поддающаяся решению ни в рамках старой, советско-имперской, парадигмы развития, ни на пути космополитического “ультралиберализма”, повернуть на который пытались реформаторы 1990-х годов, стала камнем преткновения российской политической модернизации.

Более того, в настоящее время на фоне постоянно умножающихся дисфункций модернизационных преобразований и сохраняющейся принципиальной неопределенности геополитических ориентаций в стране резко обострился весь комплекс проблем развития. Отчетливо обнаружилась неэффективность созданных в последние годы политических и социальных институтов [см. Мельвиль 2004; Гельман 2004], заставляющая усомниться в эффективности российской демократии как таковой. Возможности, предоставляемые новыми институтами, пока не востребованы ни действующей властью, ни оппозиционными политическими силами и независимыми гражданскими объеди-

ЛАПКИН Владимир Валентинович, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН; ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

нениями, а сами эти институты не просто оказываются ненадежными в ситуации кризиса и легко уступают неправовому давлению, но и активно разлагают собственную конституционную основу, пренебрегают своими законными функциями и узурпируют не принадлежащие им права и полномочия.

Далеко идущие последствия для России (и не только для нее), безусловно, будут иметь серьезные подвижки на постсоветском пространстве, связанные с событиями 2004 — 2005 гг. в Грузии, на Украине и в Киргизии [см. Пастухов 2005; Гельман 2005]. Эти события выявили системный кризис политической модернизации в сложившихся на территории бывшего СССР новых демократиях, обусловленный нерешенностью ряда стоящих перед ними первоочередных задач (формирование нации-государства, политическая консолидация общества, отделение власти от собственности, реальное разделение властей и т.д.). Неустойчивость постсоветских политических систем усугубляется отсутствием массовых политических партий, пользующихся доверием общества.

В ряду ключевых факторов российской политической модернизации следует упомянуть и прямое воздействие со стороны развитых стран Запада. Идущие извне геополитические и геоэкономические импульсы существенно модифицируют модернизационные процессы на всем постсоветском пространстве, делая их весьма сложными и противоречивыми, подчас придавая им зигзагообразный характер. Необычайно глубокое влияние такого рода импульсов на российскую политику связано с “промежуточным” геополитическим и культурно-цивилизационным положением страны, делающим ее чрезвычайно чувствительной к любым крупным геополитическим и геоэкономическим сдвигам в Евразии [Чубарьян 2004]. На протяжении всей своей истории Россия была вынуждена одновременно отвечать на вызовы, исходившие с Запада и с Востока, из Европы и из Азии.

В настоящей статье мы сконцентрируем внимание на внешних факторах, которые подвержены более или менее периодическим изменениям во времени, формируя разнообразные ритмы международного политического и экономического развития. Влияние этих ритмов прослеживается уже в самом феномене “догоняющей модернизации” [см. Хорос 2000: 320-335; Красильщиков 2001]. В самом деле, те мощные импульсы военно-политического, экономического, культурного и идеологического порядка, которые в XVIII — XX вв. понуждали Россию к ускоренной (преимущественно военно-политической) модернизации, были во многом обусловлены ритмами международного политического развития — подвижками в глобальной системе мировых центров политической и экономической силы, чередующимися периодами мировых кризисов, технологических переворотов и т.п. Эти ритмы и сегодня в значительной мере определяют императивы и ограничения процесса адаптации российской политической системы к условиям современного мира.

Как показывает опыт XX в., для успешной модернизации необходимы два фактора: (1) внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные “правила игры” для основных политических акторов, и (2) желание и способность наиболее развитых стран мира оказать этому обществу эффективную экономическую и политическую помощь, тем самым смягчив неизбежно тяжелые последствия проводимых реформ. Наличие (или отсутствие) второго фактора непосредственно зависит от фазы развития мирового сообщества, которая, в свою очередь, определяется ритмами международного политического и экономического процесса.

Действительно, быстрое и успешное завершение политической модернизации ФРГ и Японии после второй мировой войны и утверждение в этих странах стабильной демократии были бы невозможны без активного вмешательства и экономической помощи со стороны США. О том, что дело обстояло

именно так, свидетельствует тот факт, что попытки Германии и Японии самостоятельно осуществить модернизацию четвертью века ранее в конечном счете обернулись установлением, соответственно, тоталитарного и предельно милитаризованного авторитарного режимов. Решающую роль сыграли США и в модернизации Южной Кореи и Тайваня.

Далеко не случайно, что эффективная внешняя помощь модернизирующимся государствам приходится на период 1950-х — 1960-х годов, когда международная система переживала небывалый подъем в фазе, которую можно назвать фазой революции мирового рынка. В 1980-е — 1990-е годы примеров столь успешной и быстрой модернизации поставторитарных или посттоталитарных обществ (быть может, за исключением Испании и Португалии) практически не было. Страны Латинской Америки, Южной Африки и Восточной Европы, вставшие в то время на путь так наз. демократического транзита, сегодня находятся в довольно сложном экономическом, социальном и политическом положении, и их политическая и социально-экономическая модернизация протекает не столь уж успешно. В Южной Африке, Бразилии, Польше и некоторых других странах социально-экономическая ситуация за последние годы не только не улучшилась, но, напротив, резко ухудшилась, что в перспективе чревато политической дестабилизацией и кризисными потрясениями.

Большинство внешних наблюдателей оценивает нынешнее положение России как относительно благополучное (ввиду исключительно высоких мировых цен на нефть). Однако в целом результаты ее развития в постсоветский период весьма скромны, а неустойчивое промежуточное состояние не дает оснований для радужных надежд на будущее. Дисфункции формально демократических политических институтов страны неуклонно нарастают. Между тем международная политическая система вступает в новую фазу развития, не слишком благоприятную для модернизации подобного рода “проблемных” обществ. Да и мировой лидер (США) пребывает отнюдь не в лучшей, по сравнению с периодом 1950-х — 1960-х годов, форме. Его “мощь” кажется беспредельной, а стремление утвердить во всем мире демократический порядок — непреклонным, но ресурсов хватает только на демонстрацию “военных мускулов”: экономике единственной сверхдержавы сегодня не по силам даже такая относительно скромная задача, как “план Маршалла” для Ирака. Кроме того, глобальное распространение демократии в XXI в. требует принципиально новых подходов, учитывающих цивилизационную специфику незападных обществ, наличие у них иной системы ценностей, иной политической традиции и т.д. К решению данного комплекса задач ни Запад, ни его лидер сегодня просто не готовы — у них нет для этого ни ресурсов, ни реального понимания всей сложности и глубины того, что в таком случае им предстоит совершить и на какие самоизменения пойти.

РИТМЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ И ИМПУЛЬСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Несмотря на очевидное влияние ритмов мирового политического и экономического развития на процессы политической модернизации, механизмы такого влияния исследованы далеко не полностью. Даже в классической работе С.Хантингтона “Третья волна”, одной из немногих, где прямо анализируется соответствующая проблематика, сказано по этому поводу не так уж много. Отметив, что “волны демократизации и отката представляют собой проявления некоего более общего феномена в политике”, состоящего в том, что “порой в истории схожие события более или менее одновременно происходят в разных странах или политических системах”, Хантингтон предлагает несколько возможных объяснений этого феномена (“единая причина”, “параллельное развитие”, “снежный ком”, “излюбленная панацея”) [Хантингтон 2003: 42-45].

Однако сами эти объяснения изложены весьма схематично, а причины и движущие силы “приливов” и “отливов” демократизации, захватывающих одновременно значительное число стран и политических систем, остаются не вполне проясненными. В итоге складывается впечатление, что перспективы демократизации и модернизации в мире в конечном счете зависят от политики и военных побед США и Великобритании. Но и здесь многое непонятно. Так, демократизация европейских стран, начавшаяся под влиянием победы западных союзников в первой мировой войне и послевоенного демонтажа империй, почему-то очень скоро сменилась мощным откатом, а волна демократизации, стимулированная победой тех же союзников и СССР во второй мировой войне, продолжалась до конца 1950-х годов [Хантингтон 2003: 51-52].

Слабая теоретическая проработка данной проблематики существенно затрудняет осмысление исторических этапов отечественной модернизации. Ведь, как уже говорилось, в силу своего “промежуточного” геополитического и культурно-цивилизационного положения Россия воспринимает импульсы, идущие как с Запада, так и с Востока, а потому на динамику ее политической системы оказывают воздействие самые разнообразные ритмы международного политического, экономического, культурного развития.

Не случайно анализ политической модернизации России выявляет отчетливую синхронизацию этапов и фаз такой модернизации с целым рядом важных ритмов международного политического и экономического развития. Одним из примеров подобной синхронизации может служить корреляция между российскими циклами реформ/контрреформ и длинными волнами мировой конъюнктуры (так наз. кондратьевские циклы) [подробнее см. Умов, Лапкин 1992]. Либеральные (или включающие элементы либерализации) реформы в России всегда приходятся на периоды повышательных волн мировой конъюнктуры, а нелиберальные (а иногда и откровенно антилиберальные) контрреформы — понижательных (см. *табл. 1*).

47

Таблица 1

Кондратьевские циклы и циклы реформ/контрреформ в России

Цикл	Волны кондратьевских циклов	Реформы и контрреформы в России
I	Повышательная волна : с конца 1780-х – начала 1790-х по 1810 – 1817 гг. Понижательная волна : с 1810 – 1817 по конец 1840-х – начало 1850-х годов	Реформы Александра I : Реформы 1802 – 1803 гг., проекты реформ Сперанского 1809 – 1810 гг. Контрреформы Николая I : с 1825 по 1855 г.
II	Повышательная волна : с конца 1840-х – начала 1850-х по начало 1870-х годов Понижательная волна : с начала 1870-х по середину 1890-х годов	Реформы Александра II : “Великие реформы” 1860-х – начала 1870-х годов Контрреформы Александра III : с 1881 по 1892 г.
III	Повышательная волна : с середины 1890-х по 1914 – 1920 гг. Понижательная волна : с 1914 – 1920 по середину 1940-х годов	Реформы Витте – Столыпина : с 1893 по 1911 г. Зарождение и расцвет тоталитаризма : с 1917 г. по начало 1950-х годов
IV	Повышательная волна : с середины 1940-х по конец 1960-х – начало 1970-х годов Понижательная волна : с конца 1960-х – начала 1970-х по начало 1980-х годов	Реформы Хрущева – Косыгина : с 1956 по 1968 г. “Застой” Брежнева – Сулова : с 1968 по 1982 г.

Источник датировки кондратьевских циклов: Кондратьев Н.Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М. (С 1920 г. датировка циклов дана в версии авторов статьи.)

Общие причины отмеченной корреляции вполне очевидны. В периоды повышательных волн, когда мировая экономическая конъюнктура поощряет накопление экономического потенциала, у ведущих стран Запада появляются ресурсы для политического, экономического и военного давления на российское государство с целью ограничить его внешнюю экспансию и поставить пределы росту его имперской мощи. В этой благоприятной для себя ситуации западные страны вынуждают Россию принять навязанные ими «правила игры» — правила внешнеполитического и внешнеэкономического поведения в условиях успешно развивающегося мирового рынка. Дабы отстоять положение великой державы и сохранить хотя бы символический паритет с лидерами мировой экономики в военно-техническом и хозяйственном отношении, российское государство меняет стратегию и тактику своего развития. Оно «запускает» политические и экономические реформы, давая импульс очередному витку модернизационных преобразований. Дополнительным стимулом к такого рода реформам может стать стремительная модернизация ранее слабых и отсталых соседей России, превращающихся в ее потенциальных конкурентов (так, в середине 1980-х годов среди факторов, побудивших Горбачева приступить к осуществлению реформ, была и начавшаяся незадолго до этого, но уже принесшая плоды модернизация Китая, а также успехи ряда стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки). По мере развертывания реформ, первоначально направленных чуть ли не исключительно на преодоление военного, технологического и экономического отставания страны, возникает потребность в более масштабных социальных преобразованиях, затрагивающих различные сферы общественной жизни. Выясняется, что продвижению к намеченной цели могут помешать внутренние факторы, например замедление темпов экономического роста или недовольство широких слоев населения углублением социального неравенства. Но, как правило, эти внутренние факторы становятся очевидными и начинают определять ход реформ лишь в сочетании с внешними. При этом пример и прямое воздействие более развитых стран подталкивают российскую политическую элиту к либерализации общественной жизни. Однако в российских условиях такая либерализация (а точнее — псевдолиберализация), способствуя ослаблению контроля государства над социальной и экономической сферами, неизменно ведет к значительному имущественному расслоению, резкой политической поляризации и — что, наверное, самое важное — ослаблению социальной интеграции, потере социально значимых ориентиров, ценностной дезориентации общества и его элиты. Вместе с тем подобные реформы, сохраняя в неприкосновенности некоторые фундаментальные основы традиционной политической и социальной организации, оказываются не в состоянии обеспечить России темпы развития, достаточные хотя бы для сохранения прежних позиций, и их следствием становится прогрессирующее отставание страны от наиболее динамично развивающихся государств мира.

По-иному разворачиваются события в периоды понижительных волн мировой конъюнктуры. В это время страны с развитой рыночной экономикой сталкиваются с серьезными внутренними проблемами и противоречиями, нередко оборачивающимися крупными социальными и/или внешнеполитическими потрясениями. Значительная доля ресурсов ведущих государств мира уходит на попытки оживить экономику, смягчить последствия социальных конфликтов, а также на гонку вооружений и участие в военно-политическом противоборстве. В этой ситуации их давление на российское государство и общество заметно ослабевает (наиболее яркий тому пример — бессилие Запада перед большевизмом в 1918 — 1923 гг.). Серьезные дисфункции в экономике и политике западных стран (непосредственно и весьма болезненно затрагивающие и Россию) стимулируют российское государство к переходу к более или менее выраженному изоляционизму

и протекционистской политике (а порой — и к прямому вторжению в сферу экономики). В эти периоды для России характерны умеренные или радикальные контрреформы, в известной мере являющиеся реакцией на весьма неоднозначные, а подчас и плачевные результаты предшествующих либеральных реформ.

Важно, однако, отметить, что такое чередование реформ и контрреформ отнюдь не ведет к прекращению политической модернизации. На этапе контрреформ заимствованные и имитационно освоенные в годы реформ политические институты адаптируются к российским условиям, “скрещиваются” с автохтонными политическими и социальными институтами, что ведет к существенному изменению характера и тех, и других. В известном смысле период контрреформ необходим для преодоления всякий раз возникающего разрыва между российской социальной средой (тем самым “безмолвствующим народом”) и заимствованными политическими институтами. Конфликт между этими институтами и социальной средой порождает потребность в механизмах “ассимиляции” формально усвоенных новаций и адаптации российского общества к новым социально-политическим и хозяйственным практикам, — что и происходит при осуществлении контрреформ.

Весьма своеобразным образом, например, были трансформированы в советские времена появившиеся в период реформ Витте — Столыпина институты политических партий, выборов и парламентаризма: политические партии превратились в институт партии-государства, парламент — в лишенный каких-либо реальных полномочий Верховный Совет СССР, а институт всеобщих выборов — в выборы на безальтернативной основе. Другими словами, пресловутая “советская демократия” представляла собой синтез элементов западной институциональной демократии (заимствованных в предшествующий период) с отечественной традицией “прямой демократии” сельского схода и практиками направляемого верховной властью волеизъявления Земских соборов.

Аналогичные метаморфозы (хотя и на другом уровне развития) происходят в наши дни с политическими институтами, возникшими в период реформ 1987 — 1990-х годов. Будучи дополнены сугубо российскими “аксессуарами” (“вертикаль власти”, всесильный аппарат президентской администрации, институт полномочных представителей президента в федеральных округах и т.д. и т.п.), многопартийность, двухпалатный парламент, институт президентства и другие демократические институты “мутировали” и уже мало походят на свои западные прототипы. Но, несмотря на все метаморфозы и “мутации”, российское общество модернизируется, пусть медленно и нелинейно, причем “коридор” открывающихся для него возможностей формируют ритмы международного развития.

В то же время, если взглянуть на процессы российской модернизации в более широкой перспективе, то можно найти определенные корреляции между циклами эволюции международной политической и экономической системы [см. Умов, Лапкин 1992; Пантин 2004: 69-76] и волнами политической модернизации России в логике противоположностей [Лапкин, Пантин 2001: 207-234].

Напомним, что противоположностью называют мировой центр политической и экономической силы, который является в данную эпоху антагонистом центра-лидера, оспаривающим его претензии на глобальное доминирование. Образуя с последним своеобразную симбиотическую пару, он реализует принципиально иной, альтернативный, тип модернизации. Более того, в фазе кризиса, соответствующей понижательной волне мировой конъюнктуры, противоположность путем радикального обновления имманентных ему имперских структур целодостижения с помощью экстенсивной и фрагментарной модернизации оказывается в состоянии вступить в прямое противоборство с центром-лидером. Вместе с тем противоположность — это сугубо временная функциональная роль в системе мировых центров, обусловленная определенным этапом модер-

низационного перехода соответствующего государства. При достижении государством определенной степени зрелости его статус меняется и функционирование в качестве противочентра прекращается (как это произошло, например, с Францией после 1870-х годов и с Германией после 1945 г.).

В самом общем виде период модернизационного развития в логике противочентра распадается на четыре больших этапа (четыре волны), в совокупности охватывающих как минимум полный цикл эволюции международной экономической и политической системы. Так, волны политической модернизации Франции в логике противочентра (начало 1760-х — конец 1780-х, конец 1780-х — середина 1810-х, середина 1810-х — конец 1840-х, конец 1840-х — начало 1870-х годов) приходятся на первый цикл эволюции международной политической и экономической системы (1750-е — 1870-е годы); Германии (1830-е — начало 1860-х, начало 1860-х — начало 1890-х, начало 1890-х — конец 1910-х, начало 1920-х — середина 1940-х годов) — на вторую половину первого (1810-е — 1870-е годы) и второй цикл (1870-е — 1960-е годы); а России (начало 1880-х — 1917, 1917 — середина 1950-х, середина 1950-х — конец 1980-х, конец 1980-х — середина 2020-х годов) — на второй и еще не завершившийся третий цикл (соответственно, 1870-е — 1960-е и 1970-е — 2030-е годы). Хотя после распада СССР Россия лишилась статуса сверхдержавы — главного антагониста мирового центра-лидера и даже в значительной мере утратила контроль над процессами на постсоветском пространстве, по некоторым параметрам она все еще продолжает развиваться в логике противочентра, пытаясь использовать новые политические и экономические институты в качестве инструментов власти обновленного номенклатурно-бюрократического государства, контролирующего основные ресурсы общества.

Следует отметить: чем позже начинается модернизация, тем более сложной и длительной она является, тем более драматичные формы принимает трансформация бывшего противочентра в современное демократическое государство. Очевидно, что эту тенденцию необходимо учитывать при осмыслении перспектив политической модернизации российского общества.

На процессы политической модернизации России так или иначе влияют и другие ритмы международного развития. К их числу относятся, в частности, ритмы доминирования великих держав, в т.ч. ритмы смены мирового политического и экономического центра-лидера, описанные американским исследователем П.Кеннеди [см. Kennedy 1989]. Не вызывает сомнений, что смена мирового центра-лидера, сопровождающаяся изменением общей конфигурации мировой политической системы, оказывает существенное воздействие на развитие России: при этом меняется не только вектор российской модернизации, но и тот “образец”, на который ориентируется российская политическая элита.

Так, отнюдь не случайно наиболее драматические (и катастрофические по своим последствиям) преобразования в России совпали по времени с периодом перехода доминирующей роли от Великобритании к США и борьбы Германии за приобретение статуса мирового лидера (1914 — 1945 гг.). Прежний, британский, “образец” российской модернизации предусматривал поэтапное движение в направлении конституционной монархии при сохранении баланса интересов помещиков (лендлордов) и ориентированной на государственное покровительство и концентрированный казенный спрос буржуазии. Суть такой стратегии заключалась в постепенном развитии капитализма за счет пауперизации крестьянства, но, как выяснилось еще в ходе первой русской революции 1905 г., стратегия эта во многом устарела и перестала соответствовать изменившимся условиям как внутри России, так и в окружающем мире.

Модель модернизации, которая была реализована в России под лозунгом “построения социализма в отдельно взятой стране”, непосредственно апелли-

рвала к специфически воспринятому германскому и американскому, а отнюдь не британскому опыту. Прототипами советских супермонополий — министерств и ведомств — являлись германские концерны и американские тресты; практика сверхцентрализованного управления индустрией, финансами, транспортом, связью была заимствована у Германии периода первой и второй мировых войн; американский размах нашел отражение в практике создания гигантов советской индустрии, трансформирующих “под себя” социальную среду. Определенные параллели прослеживаются также между национальным строительством в США и ликвидацией в СССР прежних сословий и курсом на создание “новой социальной общности — советского народа” (российский аналог пресловутого американского “плавильного котла”).

Латентным, но неустранимым дефектом этой советской модели модернизации была огромная инерционность, фактически исключавшая возможность дальнейших изменений на собственной основе*. В то время как в Соединенных Штатах уже в начале XX в. власть трестов и связанных с ними коррумпированных политиков была серьезно ограничена, а в период “Нового курса” Ф.Д.Рузвельта под контроль общества поставлена (хотя, разумеется, не полностью) деятельность государственной бюрократии**, в СССР, да и в постсоветской России всевластие монополий и бюрократии было и остается своего рода инвариантом политической и экономической жизни. Характерно, что попытки политической модернизации, предпринятые в России в начале 1990-х годов, тоже были сориентированы в первую очередь на США — но не конца XX в., а скорее второй половины XIX в. Нежелание российской правящей элиты хоть как-то ограничить свободу рук бюрократии и “уполномоченного государством бизнеса” и жестко отделить власть от собственности изначально предопределило низкую эффективность проводимых реформ, их непомерно высокую социальную цену.

Таким образом, ориентация России на внешне “передовые” образцы отнюдь не гарантирует успешной модернизации, поскольку приспособление этих образцов к прагматическим целям политической элиты, как правило, непоправимо искажает их инновационный потенциал. Более того, неоднократно зафиксированная склонность российских правящих кругов к заимствованию устаревших или устаревающих политических институтов в итоге оборачивается углублением системного отставания страны, несмотря на все усилия и огромные жертвы.

Интересно отметить, что, по оценке П.Кеннеди, на смену биполярному миру, скорее всего, придет не монополярный (Pax Americana), а новая многополюсная система центров политической и военной силы, включающая в себя США, объединенную Европу, Россию, Китай и Японию [Kennedy 1989; Кеннеди 1997]. При такой перспективе однобокая ориентация российской политической элиты на американский “образец” столетней давности и ее упорное нежелание учитывать европейский, японский, китайский опыт модернизации может привести к ситуации, аналогичной той, которая сложилась в России в начале XX в. Но если тогда были исчерпаны возможности модернизации, ориентированной на “британскую” модель рубежа XVIII — XIX вв., то сегодня налицо признаки исчерпания “американо-германской” модели рубежа XIX — XX вв. Не вызывает сомнений, что в ближайшие десятилетия (возможно, после очередного глубокого политического и социального кризиса) наша страна вплотную столкнется с необходимостью перехода к новой модели модернизации. Как

* Среди фундаментальных причин такого положения вещей следует упомянуть прежде всего сращивание власти и собственности, а также стремление правящих кругов поставить под свой контроль все сферы общественной жизни.

** Аналогичные изменения произошли в ФРГ после второй мировой войны.

бы то ни было, ритмы смены ведущего центра-лидера в немалой степени определяют и продолжают определять общую динамику политической модернизации России, периодически меняя ее направление и внешние ориентиры.

Еще одним примером внешнеполитических ритмов, влияющих на российскую политическую модернизацию, является чередование периодов относительно устойчивого распределения мировых “сфер влияния” между крупными государствами-империями и “хаотизации” международных отношений, анархической борьбы за “перedel мира” и мировое (глобальное) господство [Watson 1992]. Так, весь XVII и начало XVIII в. прошли под знаком нескончаемой череды затяжных и кровопролитных войн между основными государствами Европы (и на европейском континенте, и в колониальных владениях европейских держав). К середине XVIII в. эта анархическая борьба сменилась доминированием Великобритании, которое в последующее столетие пытались оспорить только абсолютистская и наполеоновская Франция и пробуждавшиеся к самостоятельному существованию Североамериканские Соединенные Штаты. Во второй половине XIX в. снова наступил период довольно беспорядочной, анархической борьбы. Первоначально в ней участвовали Франция, Германия, Австро-Венгрия, Россия и Турция, но постепенно в борьбу втянулась и Великобритания. Развитие этой тенденции привело в итоге к первой и второй мировым войнам.

После второй мировой войны начался период относительного паритета двух доминирующих — каждая на своем геополитическом пространстве — сверхдержав: возник биполярный мир, который после распада СССР сменился униполярным международным порядком, характеризующимся политическим и военным доминированием США. Вместе с тем в последние годы появились симптомы постепенного нарастания хаоса в международных отношениях, что указывает на возможность нового витка анархической борьбы различных государств за глобальное доминирование.

Очевидно, что подобная смена периодов в международной политике также оказывает влияние на модернизационные процессы в России. В периоды кризисов прежнего мирового порядка и нарастания анархической борьбы между государствами российская политическая модернизация начинает давать ощутимые сбои, в обществе и его политической элите усиливаются смута и стратегическая дезориентация, прежде господствовавшая парадигма модернизационного развития подвергается эрозии. Вместе с тем в эти периоды Россия получает новые импульсы к модернизации “сверху”, которые в итоге приводят к революционным скачкам — будь то преобразования Петра I или не менее революционные преобразования большевистского периода (1917 — 1934 гг.). В свою очередь, в периоды доминирования крупных держав и относительной стабильности на мировой арене процессы модернизации в России протекают более спокойно, эволюционно, однако при этом в ее экономике и политике нередко усиливаются застойные тенденции.

Таким образом, ритмы российской модернизации взаимодействуют с ритмами международного политического и экономического развития, причем последние во многом определяют характер и направление разворачивающихся в стране процессов. Поэтому без учета ритмов международного развития и соответствующего глобального контекста едва ли возможен адекватный анализ как нынешнего этапа политической модернизации российского общества, так и дальнейших ее перспектив.

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

После распада СССР Россия сразу же столкнулась с проблемой геополитического и геокультурного самоопределения в современном мире и выработки стратегии национально-государственного развития. Теоретически перед ней

открылись четыре стратегических альтернативы: (1) создание нации-государства, (2) выстраивание конфедерации постсоветских государств переходного типа (СНГ), (3) восстановление союзного государства и (4) вступление в Европейский Союз, не дожидаясь завершения процесса формирования нации-государства (как, например, поступили страны Балтии). При этом России приходится выбирать между *устойчиво освоившимся* на путях модернити Западом (США и Европой) и решающим задачи национально-цивилизационной *адаптации* к современному миропорядку Востоком (Китаем, Индией, странами АТР), а также между отстаиванием принципов многополярности (и попытками сохранить великодержавный статус) и ориентацией на нынешнего мирового лидера (что подразумевает признание собственной вторичности и внешнеполитической несамостоятельности). Такая неясность геополитического и цивилизационного самоопределения затрудняет политическую модернизацию страны, заставляя Россию проводить внутренне противоречивый, эклектический и в итоге — непоследовательный и малоэффективный политический курс.

Очевидно, что подобная эклектичность политического курса, как и общая неопределенность геополитического позиционирования России, во многом связаны с переходным характером современной эпохи. Казалось бы, в условиях набирающей темпы глобализации установка на создание нации-государства выглядит анахронизмом. Тем не менее, есть основания полагать, что, не решив этой задачи, российское общество не сможет вписаться в процессы глобализации и добиться устойчивого положения в мире. В самом деле, прочность интеграции и стабильное развитие Европейского Союза в значительной мере обусловлены тем, что его костяк составляют сложившиеся нации-государства. Не случайно СНГ, среди членов которого практически нет наций-государств, остается образованием малоэффективным и, как правило, недееспособным.

Отсутствие современной нации-государства делает невозможным не только вхождение России в ЕС, но и равноправное взаимодействие между ними. Требуя от России соблюдения стандартов, подчас противоречащих интересам страны*, Европейский Союз не желает видеть ее своим членом не только в ближайшем, но и в отдаленном будущем. Разумеется, Европа заинтересована в сотрудничестве с Россией, но преимущественно как с поставщиком природных (прежде всего энергетических) ресурсов. Ключевое условие перехода к более полноценному и многостороннему сотрудничеству со странами ЕС, как представляется, состоит в последовательном отстаивании российским государством и его политической элитой национальных интересов, а это, в свою очередь, невозможно без консолидации общества, без консенсуса по поводу функционирования основных политических и экономических институтов, таких как институт президентства, политические партии, конкурентные и свободные выборы, рынок и т.п.

Иначе говоря, вопрос о геополитическом и геокультурном самоопределении постсоветской России в конечном счете упирается в несформированность в ней нации-государства. Поэтому и пресловутая проблема “демократического транзита” требует здесь существенно иного осмысления, нежели в случае большинства восточноевропейских стран. Первоочередной задачей России является вовсе не переход к демократии и не вступление в ЕС, а именно создание нации-государства. Однако продвижению по этому пути препятствует, с одной стороны, сохраняющаяся в российском обществе и его политическом классе тяга к реставрации СССР или учреждению иного псевдоимперского образования, а с другой — незаинтересованность развитых государств в подлинном укреплении России и нежелание помочь ей в проведении эффективных реформ.

* В качестве примера здесь можно сослаться на давление, оказываемое на Россию в связи с подписанием Киотских протоколов и вступлением в ВТО.

Разумеется, поскольку международная ситуация, как и внутрироссийская, развивается весьма динамично, было бы неверно линейно экстраполировать нынешнее положение вещей на будущее. В частности, исходя из анализа ритмов международного развития, можно полагать, что после 2015 г., когда в мире созреют и приобретут эксплицитный характер многочисленные политические и социально-экономические конфликты, страны Запада станут проявлять больший интерес к эффективной модернизации России. Но чтобы Россия смогла воспользоваться помощью других, более развитых, государств, она должна сохранить свою государственность, а для этого необходимы шаги, направленные на консолидацию российского общества на национально-государственной основе.

При разработке концепции геополитического, геоэкономического и геокультурного самоопределения России на ближайшую перспективу следует учитывать ее “срединное”, промежуточное положение между Западом и Востоком. На протяжении всей своей многовековой истории российская политика интенсивно взаимодействовала как с европейскими, так и с азиатскими государствами, и в результате, по справедливому замечанию Г.В.Флоровского, “в народно-государственном теле России имеются островки и оазисы и Европы, и Азии”, причем не в качестве “колониальных придатков”, но “как живые члены единого тела” [Флоровский 1991: 206-207]. Попытки сделать Россию исключительно европейской, западной страной требуют радикального изменения всего ее “культурно-цивилизационного кода”, а потому чреваты крайне опасными последствиями для всего мира. О том, к чему они могут привести, свидетельствует опыт Российской империи, распад которой и установление диктатуры большевиков не в последнюю очередь были обусловлены массовой реакцией на попытки отечественной политической элиты (под нажимом союзников по Антанте) превратить Россию в сугубо европейское государство.

В связи с этим весьма перспективной для России стратегией на ближайшие десятилетия была бы, на наш взгляд, более выраженная, чем сейчас, геоэкономическая и геополитическая ориентация на АТР — регион, представляющий сегодня своеобразный “мотор” развития мировой экономики, где пересекаются интересы многих крупнейших держав. К сожалению, из всех государств региона Россия имеет более или менее масштабные экономические и политические связи лишь с Китаем и США. Такие страны АТР, как Япония, Южная Корея, Малайзия и даже Вьетнам, либо находятся на периферии российской внешней политики, либо вовсе выпадают из сферы внимания отечественного правящего класса. Между тем эти государства продемонстрировали значительные успехи в экономической, социальной и политической модернизации, не утратив при этом своей национальной и культурной идентичности, и изучение их опыта было бы весьма полезным для российской политической и интеллектуальной элиты — хотя бы для того, чтобы лучше понимать реалии современного мира.

В настоящее время в Азии происходят столь глубокие и принципиальные для будущего мирового развития сдвиги, что без их осмысления Россия не просто никогда не сможет осуществить органичную и полноценную модернизацию, но будет вечно “догонять” позавчерашний день. В частности, речь идет о принципиально иной, нежели в США и Европе, роли государства в проведении политических и экономических преобразований, о новых взаимоотношениях между государством, крупным бизнесом и общественными организациями, об использовании традиций и традиционных институтов для целей модернизации, о механизмах сохранения национальной и культурной идентичности, о развитии сети технопарков и мелких фирм, занятых разработкой и внедрением инноваций и т.п. Все эти и многие другие аспекты “азиатских” моделей модернизации чрезвычайно актуальны для постсоветской России, и

их освоению мешает не столько цивилизационно-культурный барьер, сколько элементарное невежество и спесь российской бюрократии. Игнорируя долгосрочные перспективы развития России, отечественная бюрократия и крупный бизнес озабочены исключительно сегодняшним днем. Но подобная установка, способствующая не модернизации, а скорее демодернизации, рано или поздно приведет российскую политическую систему к краху. Опыт динамично развивающихся обществ нужно использовать, а не отмахиваться от него. Время для этого еще есть, но оно быстро истекает.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И РИТМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗВИТИЯ

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что ближайшие и более отдаленные перспективы политической модернизации России в немалой степени определяются ритмами международного экономического и политического развития. Ход российской модернизации будет, в частности, зависеть от степени устойчивости политического доминирования США, а также от того, в какой мере в развитых и развивающихся странах проявятся дисфункции демократических институтов и насколько серьезными окажутся наметившиеся расхождения между США и Европой. Прогнозы западных аналитиков на этот счет едва ли можно назвать оптимистичными. Тревожные нотки звучат, например, в недавно вышедшей книге З.Бжезинского “Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство” [Бжезинский 2004], где признается возможность трансформации США из бесспорного лидера в объект зависти и ненависти: “Америку, поддавшуюся тревоге и одержимую интересами собственной безопасности, вполне вероятно, ожидала бы изоляция в окружении враждебного мира. А если в поисках безопасности для одной себя ей случилось бы потерять самоконтроль, то земле свободных людей грозило бы превращение в государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости” [Бжезинский 2004: 9]. Более того, ссылаясь на опыт истории, Бжезинский говорит о неизбежности утраты Соединенными Штатами доминирующей роли в мире, полагая при этом, что “внезапный конец американской гегемонии, без сомнения, погрузил бы мир в хаос, в обстановке которого международная анархия сопровождалась бы взрывами насилия и разрушениями подлинно грандиозного масштаба. Сходный эффект, только растянутый во времени, имел бы и неуправляемый постепенный упадок господства США” [Бжезинский 2004: 14-15].

Чтобы сохранить и укрепить свою гегемонию, США, по мнению Бжезинского, должны переложить часть ответственности за положение дел в мире на другие страны и международные организации. В этом случае, считает он, Америка станет “сверхдержавой-плюс”, т.е. сверхдержавой, находящейся на подъеме и ведущей за собой другие страны и регионы, в противоположность “сверхдержаве-минус”, которая в одиночку противостоит всем и находится на спаде.

О нарастающих проблемах международного политического развития пишет и американский исследователь Ф.Закария: “Современные демократические государства столкнутся с новыми трудными вызовами — терроризмом, необходимостью приспособления к глобализации, старением населения — и должны будут заставить свою политическую систему работать эффективнее, чем сегодня... Возможно, самое сложное требование заключается в том, чтобы люди, облеченные в нашем обществе властью, честно выполняли свои обязанности и были настоящими лидерами, соблюдающими не только юридические, но и моральные нормы. Без такого внутреннего содержания демократия превратится не просто в негодную, но и в опасную пустую оболочку. Результатом станет эрозия свободы, манипулирование ее идеалами и упадок публичной жизни. Такой оборот дела стал бы трагедией, потому что при всех своих не-

достатках, демократия представляет собой последнюю надежду человечества... 80 лет назад Вудро Вильсон ставил перед Америкой, вступающей в XX в., задачу сделать мир безопасным для демократии. Вступая в XXI в., мы должны сделать демократию безопасной для мира” [Закария 2004: 284-285].

На серьезные сбои в функционировании современной демократии обращает внимание также британский аналитик У.Хаттон: “Неправильно, когда единственным достоинством, необходимым для получения государственной должности, становится богатство. Устрашающим примером того, куда движется Америка, стала победа миллиардера Майкла Блумберга на выборах мэра Нью-Йорка благодаря оплаченной им самим массивной рекламной кампании. Без реформирования системы финансирования выборов Соединенным Штатам придется признать, что их демократия — пустышка, в которой публичные обсуждения и политические дискурсы выставлены на аукцион для богачей... В интересах собственной безопасности Запад должен предложить остальному миру надежду и возможность для развития” [Хаттон 2004: 469]. Довольно пессимистично оценивает он и сложившуюся в мире экономическую ситуацию, равно как и ее возможные политические последствия: “Финансовая система перегрета, а американские потребители и бизнес погрязли в хронических долгах. Когда станет очевидным, что США больше не могут использовать нынешнюю международную систему для обеспечения исключительно высоких темпов роста своей экономики, приток иностранного капитала ослабеет, а благополучию Уолл-стрит настанет конец. Америке придется ограничить свои амбиции и пойти на снижение уровня жизни населения. Она будет противиться этому, что ухудшит ситуацию... Ныне существуют одни нормы для США и другие — для остального человечества. Если экономика страны будет плохо функционировать или иностранные инвесторы приостановят покупку американских финансовых активов, склонность Соединенных Штатов к протекционизму и выкручиванию рук торговым партнерам еще более усилится” [Хаттон 2004: 449-450].

Было бы неверным полагать, что проблемы, на которые обращают внимание процитированные авторы, касаются лишь западных стран. В эпоху глобализации их проблемы — это и наши тоже. Да и так ли уж далеки они от нас? Разве в *нашем* обществе “честное выполнение своих обязанностей” стало нормой для “людей, облеченных властью”? Разве “победа миллиардера Майкла Блумберга” не имеет аналогов в победах отечественных олигархов? Разве России не ведомо, что значит превратиться в “государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости”? Все это свидетельствует, как представляется, не только о взаимосвязанности проблем, стоящих между разными государствами, но и об определенной согласованности их развития в настоящем и в будущем, о значении общемировых ритмов как фактора динамики и эволюции отдельных политических систем.

В свете приведенных выше соображений авторитетных западных исследователей кажутся вполне обоснованными заключения, вытекающие из анализа долговременных циклически-волновых тенденций эволюции международной политической и экономической системы [см. Умов, Лапкин 1992; Пантин 2004]. Согласно этому анализу, существует высокая вероятность, что в ближайшие 5 — 10 лет мировая политика и экономика вступят в фазу потрясений, чреватых серьезной дестабилизацией сложившейся системы международных отношений, а также определенным “откатом” демократизации в целом ряде стран, включая и Россию. Следует, правда, отметить, что данный “откат”, как и предыдущие, будет, скорее всего, означать не столько последовательное отрицание демократии как таковой, сколько попытку самобытного освоения заимствованных институтов и практик. Вместе с тем для многих по-

литических систем, в т.ч. для российской, этот период станет временем нелегких испытаний. Более того, как следует из анализа общих закономерностей модернизации в логике противостратегии [Лапкин, Пантин 2001: 207-234], в ближайшие десятилетия Россия будет переживать критический период модернизации, сопоставимый с теми, что пришлось пережить Франции в 1860-е — 1870-е годы и Германии в 1920-е — 1940-е.

Как показывает анализ эволюционных циклов международной экономической и политической системы, в грядущие десятилетия в мировом развитии будет наблюдаться множество критических, переломных моментов. В этих “особых точках” могут происходить крупные сдвиги в развитии международной экономической и политической системы, в связи с чем возрастет вероятность масштабных экономических и политических кризисов, а также военных конфликтов. Особенно высокая плотность критических точек прогнозируется нами на период с 2009 по 2017 г., что обусловлено как общим ускорением общественного развития в начале XXI в., так и вступлением мира в короткую, но бурную и богатую событиями фазу великих потрясений, последствия которой, по всей видимости, будут ощущаться в течение многих лет после ее завершения.

События и процессы, о которых идет речь, безусловно, окажут существенное воздействие на модернизацию российской политической системы. Так, можно утверждать, что в период 2005 — 2017 гг. (особенно во время выборов 2007 — 2008 гг. и 2011 — 2012 гг.) основам российской политической системы и конституционного строя предстоит пройти серьезную проверку на прочность. Рано или поздно (скорее рано) станет очевидно, что политические институты, выстраиваемые и перестраиваемые исключительно “сверху”, без массовой поддержки, не только не демократичны, но и не жизнеспособны, что “властная вертикаль” должна быть дополнена “общественной горизонталью” — взаимодействием общественных и политических организаций, представляющих интересы различных групп и слоев. Судя по всему, вследствие неразвитости в России гражданского общества, несформированности нации-государства и сложности идейно-политической консолидации “индивидуализированного” (а точнее — атомизированного) социума в ближайшие годы эти проблемы не получат эффективного решения. Наиболее вероятный сценарий развития российской политики — постепенное усиление авторитарных тенденций. Не исключено также, что, вопреки прогнозам многих политологов, обострение политических и социально-экономических противоречий в стране завершится неким аналогом “цветной революции”. Однако, в отличие от других постсоветских государств, эта “революция” будет иметь не демократический, а скорее национал-социалистический оттенок (хотелось бы надеяться — без крайностей нацистского режима). На данный момент Россия движется в направлении бюрократизации и “веймаризации” своей политической системы, что грозит разрушительными последствиями не только ей самой, но и другим странам. Но для того чтобы развитые государства, наконец, осознали, что эффективная помощь России в их собственных интересах, по-видимому, потребует целая серия серьезных кризисов. Исходя из анализа ритмов международного политического и экономического развития, можно предположить, что это произойдет не ранее 2015 — 2020 гг. А пока главная задача России — не погрязнуть в череде внутренних кризисов и конфликтов, которые на сей раз способны ввергнуть ее в политическое небытие.

И все же говорить о неизбежности такого рода катастрофы, на наш взгляд, нет оснований. Во-первых, многие политические системы (в т.ч. и российская) уже не раз переживали фазы великих потрясений и всякий раз выходили из них обновленными. Во-вторых, необходимо учитывать, что подобные потрясения открывают дорогу грядущим геополитическим и геоэкономичес-

ким сдвигам, которые могут реализоваться в фазе революции международного рынка (предположительно она наступит в 2017 — 2041 гг.). В-третьих, в сложившихся условиях только серьезные политические и экономические катаклизмы способны стимулировать перестройку глобальных монополий, ставших тормозом на пути мирового социального и культурного развития, и разрушить тесно связанную с ними систему глобальной олигархии и манипулирования массовым сознанием посредством СМИ и информационных технологий. Другими словами, будущее не обещает России спокойной и безоблачной жизни, но оставляет широкое поле для ее геополитического самоопределения и осуществления более последовательной политической модернизации.

Бжезинский З. 2004. *Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство*. М. Гельман В.Я. 2004. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? — *Полис*, № 4.

Гельман В.Я. 2005. Уроки украинского. — *Полис*, № 1.

Закария Ф. 2004. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.

Кеннеди П. 1997. *Вступая в двадцать первый век*. М.

Кондратьев Н.Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М.

Красильщиков В.А. 2001. Конец индустриальных модернизаций? — *Мегатренды мирового развития*. М.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2001. Волны политической модернизации в логике “противоцентра”. — *Мегатренды мирового развития*. М.

Мельвиль А.Ю. 2004. О траекториях посткоммунистических трансформаций. — *Полис*, № 2.

Пантин В.И. 2004. *Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации*. М.

58 Пастухов В.Б. 2005. Украина — не с Россией (Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине). — *Полис*, № 1.

Умов В.И., Лапкин В.В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. — *Полис*, № 4.

Флоровский Г. 1991. Евразийский соблазн. — *Новый мир*, № 1.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.

Хаттон У. 2004. *Мир, в котором мы живем*. М.

Хорос В.Г. 2000. Модернизация как общемировой процесс. — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М.

Чубарьян А.О. (ред.) 2004. *Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента*. М.

Kennedy P. 1989. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. L.

Watson A. 1992. *The Evolution of International Society*. L.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-03-03105а)